

Русский американец

> Завтра центральному нападающему магнитогорского «Металлурга», трехкратному обладателю Кубка Стэнли, исполняется сорок лет

ИЗВЕСТИЕ о его переходе в состав магнитогорского «Металлурга» стало шоком для всего хоккейного мира: трехкратный обладатель Кубка Стэнли, сделавший потрясающую карьеру в НХЛ, Сергей Федоров, в свои 39 лет оставаясь востребованным хоккеистом за океаном, все же решил покинуть сытую Америку ради контракта в КХЛ. Да еще принял приглашение Магнитогорска, а не какого-нибудь легендарного столичного клуба.

Правда, выбор вскоре стал понятен: в наш клуб в этом сезоне пришел его младший брат Федор, с которым тот мечтал поиграть. Зеркальные номера братьев (у Сергея – 18, у Федора – 81) – это не их каприз, так получилось. Сергей говорит: случайность. Многие утверждают: судьба.

Итак, легенда мирового хоккея приехала в Магнитогорск. Он оказался скромным улыбчивым парнем, за которым, понятное дело, тут же начали охоту журналисты – и спортивные, и не очень. Мы тоже не упустили возможности пообщаться, да и повод выдался более чем уважительный: завтра центральному нападающему магнитогорского «Металлурга» исполняется 40 лет. Он поддерживает отличную спортивную форму, строг к себе – и в плане спортивного режима, и в других отношениях. О дне рождения предпочитает не говорить: у него самый разгар сезонной работы. Еще одна нежелательная тема – личная жизнь. Сразу договорились – ни слова о самом нашумевшем увлечении молодости – Анне Курниковой: «Да просто смысла нет – столько времени прошло». В остальном разговор получился: отвечал искренне, часто улыбался, и даже казалось, что ему нравится наша беседа – и он никуда не торопится. Правда, сразу после окончания интервью, коротко попрощавшись, он быстрым шагом покинул пресс-зал – в этот день команда уезжала из города, и ему надо было подготовиться.

– Сергей, магнитогорские стены уже стали родными?

– Да, уже попривычнее стало и играть, и общаться с ребятами. Правда, пока общение происходит на катке или в поездках – не было времени и повода пообщаться вне ледовой атмосферы. Но адаптация уже прошла, и прошла успешно.

– А публика в Магнитогорске кричит уже лично вам? Как вам кажется?

– (Смеется.) Не знаю, не обращаю на это внимания: хоккей – игра быстрая, концентрируешься на работе.

– Меня, кстати, всегда удивляла способность хоккеистов отличать свистки зрителей от свистков арбитра...

– (Смеется.) Просто, зная правила хоккея, любой игрок видит игру и понимает, когда может быть свисток. Так что мы его в большей степени не слышим, а чувствуем.

– А еще у меня вызывает недоумение фраза «команда устала», когда она плохо играет. Сразу хочется сказать в ответ: ну, ляг поспи, команда, выпей чаю, команда...

– Есть такой термин, он общеобразующий, и понимать его в прямом смысле не надо. Напряженный

график тренировок, выездов, игр накладывается на общий физический и моральный фон... Вначале устаешь морально, потом это отражается на «физике», и со стороны это очень заметно: команда начинает медленнее двигаться, нет свежести, агрессивности...

– Валерий Белоусов производит впечатление очень интеллигентного человека. Или все же он кричал после проигрышной серии?

– Нет, вы абсолютно правы – он не кричит.

– Не обижайтесь, но пока вы не показываете личных сверхрезультатов, которых от вас ждут болельщики. При этом выполняете роль классного ассистента, особенно в паре со Станиславом Чистовым, который благодаря вам демонстрирует лучшие показатели в команде. Помню, когда вы не выступали из-за травмы, комментатор Григорий Твалтвадзе отметил: «Чистов без Федорова осиротел». Вас устраивает такое положение вещей или вы все еще приигрываетесь?

– Мы играем в одной тройке и должны выполнять разные функции... Да и между собой как-то не считаем, кто забил, а кто отдал для забивания...

– Ой, а мы-то зато как считаем!

– (Смеется.) Ну, правильно: болельщики считают, а мы выполняем свою работу. Крайний нападающий должен играть более остро, а центральный – связующее звено между защитой и нападением, и эти функции на большом льду разграничиваются очень четко. Если центральный нападающий ошибется или в защите, или в нападении, сразу

может возникнуть опасный момент. И ему приходится в разных ситуациях выбирать, как сыграть – на себя или на крайнего нападающего. Мне из всех троих больше приходится обороняться, я играю больше со взглядом на оборону, чем на нападение, особенно, когда команда проигрывает.

– Не обидно, что делаете положительную статистику чужому человеку?

– Почему чужому: это мой сокомандник, участник моего звена, мы в одной связке...

– Своему брату, думаю, делать статистику приятнее.

– Мы сыграли несколько матчей в одном звене.

– Это объективное решение, что вас развели по разным пятрам?

– Честно говоря, не хотелось бы

вдаваться в подробности – всего сразу не объяснишь. Скажу одно: все еще впереди.

– Что общего между НХЛ и КХЛ, а что их кардинально разнит? В чем у КХЛ может быть преимущество, а в чем нам никогда не догнать американцев?

– Если у нас будут играть их звезды, то даже сомнений нет, что КХЛ

станет первой лигой в мире. НХЛ – хоккей более зрелищный: более быстрый, агрессивный, физически насыщенный. Многие моменты со стороны могут смотреться простыми, но каждый очень эффективен и опасен, поэтому на льду все трудятся, как пчелки, без остановки и расслаблений. Думаю, в НХЛ также повыше уровень подготовки игроков – и технический, и физический: сезон длинный – 82 игры (в КХЛ основной сезон – 56 игр. – Прим. авт.) плюс четыре раунда

плей-офф, если, конечно, твоя команда сможет дойти до четвертого раунда – финала Кубка Стэнли. Но у КХЛ все впереди – она довольно динамично развивается, учитывая, что ей всего второй год.

– А развивается по своему пути или все-таки догоняет?

– Если КХЛ возьмет все самое лучшее из НХЛ, ничего не вижу в этом зазорного. Собственно, многие вещи уже адаптированы здесь, и это не только помогает лиге, но и делает хоккей более зрелищным. А значит, выигрывает болельщик.

– Это нормально, что молодые игроки рвутся в НХЛ? Как к этому должны относиться чиновники от спорта: держать всеми силами здесь, чтобы они развивали российский хоккей, или подходить к вопросу по-отечески: пусть поедут, оперятся и вернутся сюда уже мастерами?

– (Задумывается.) Двоякий вопрос. Если ты чувствуешь, что готов играть в более интенсивный хоккей, то, естественно, надо попробовать силы в НХЛ. Последние 15–20 лет создан бренд НХЛ как сильнейшей, самой успешной и раскрученной лиги в мире. Следовательно, если ты играешь там, то находишься на первых ролях в мировом хоккее. В НХЛ ты получаешь колоссальный опыт, который можешь использовать в дальнейшей карьере. Но я согласен и с теми, кто говорит, что спешить туда не нужно, особенно в молодом возрасте. Тем более, подготовка российских молодых хоккеистов намного отличается от подготовки хоккеистов советских: момент перехода из юниорского хоккея во взрослый бывает очень длительным и болезненным. И быть мастером мало: надо быть готовым к большим нагрузкам – и физическим, и моральным, причем не только хоккейным, а НХЛ все это в себя включает. Поэтому мой совет:

вначале встать на ноги, стать состоявшимся хоккеистом в России, а уже потом пробовать себя там. В НХЛ много своих законов, которые нельзя перечислить в одном интервью, но два можно назвать. Первый – это «свой» тренер – тот, кому нравится твоя методика, система и твое видение игры, кто поддержит тебя в любой ситуации. Второй момент – противоположный: как бы менеджер ни старался, тренеру не нравится игрок – он не видит его в своей системе. И эти два момента играют безотказно: первый – на плюс, второй – на минус в карьере. Так что надо быть готовым к тому, что, даже если тебя выбрала энхаэловская команда, ты не обязательно попадаешь в основной состав. Конечно, я узнал все это не в 20 лет – это пришло с опытом: приходится выполнять много черновой работы, и касается это, в основном, игроков из России, мне кажется. Почему-то их всегда пытаются переделать, хотя, думаю, талант не надо переделывать: им нужно умело пользоваться им, по возможности, добавить к нему что-то новое.

– А вы в свои 20 лет, покидая страну, были молоды?

– Да вообще зеленым пацаном был.

– Очень внимательно читала ваши интервью и удивлялась, когда вы рассказывали, что, играя в ЦСКА, могли по деньгам позволить себе и машину, и квартиру, но вам не давали: есть, мол, более старшие товарищи, а тебе еще по статусу не положено. Поэтому, если честно: вы бежали за границу за красивым хоккеем или за красивой жизнью?

– Было такое – мне мягко, но отговаривали во всем. И я понял, что свое будущее нужно попытаться найти где-нибудь еще. Не знаю, как именно я дошел до этого решения, но в какой-то момент понял. Тогда я не знал ни красивого хоккея, ни красивой жизни – я знал, что такое работа, пахота. А за океаном меня прежде всего привлекала возможность играть при заполненных Дворцах спорта: в 89-м году у меня была возможность сыграть суперсерию с североамериканскими клубами, где дворцы на 20 тысяч мест были забиты под завязку – кому это не понравится? Во-вторых, мне импонировала заокеанская свобода, когда после тренировки или игры ты предоставлен сам себе...

– Себе, а не кагэбэшникам?

– Да даже не в них дело – просто системы подготовки разные, у нас была железная дисциплина, муштра и много тренировок.

– Сейчас вы уже можете сказать, что это был правильный поступок? Ведь, по вашим же словам, тренеры в НХЛ не дали вам раскрыться на все сто процентов – как, собственно, любому русскому игроку в то время...

– Я бы не сказал. Был один сезон, 94-й год, когда я раскрыл себя полностью и даже не ожидал такого потрясающего личного результата. За каждую хорошую полосу в карьере там я из всех сил боролся, и было много препятствий, о которых я поначалу не знал: там существует своя политика во всем – даже внутри команды. Но об этом давайте в другой раз.

– Я к чему задала вопрос: сегодня вы – звезда российского хоккея именно потому, что вернулись звездой из-за океана, или вы и без НХЛ стали бы звездой?

– Сложный вопрос. Могу сказать только, что Виктор Васильевич Ти-

> Талант не надо переделывать, им нужно умело пользоваться